

пенно, и было бы чрезвычайно интересно указать постепенную эволюцию манеры и стиля от Григоровича до ультрареализма Решетникова и, наконец, до совершенства формы, достигнутого реалистом-идеалистом Горьким в его маленьких рассказах. Но мы можем указать в настоящей работе лишь на некоторые промежуточные ступени в этом развитии.

И. Т. Кокорев (1826—1853) умер очень молодым, написав несколько рассказов из жизни бедных классов городского населения; он не успел освободиться от сентиментализма «благосклонного наблюдателя», но он знал эту жизнь хорошо: он родился и воспитывался в нищете, в среде бедняков, которых он потом описывал; вследствие этого ремесленники и мещане его повестей и рассказов описаны, как говорит Добролюбов, «с теплотой и некоторой сдержанностью — как говорят о близких родных», но вместе с тем «из этого мягкого, терпеливо страдающего сердца не вырвалось крика отчаяния, мощного проклятия или язвительной иронии». В его произведениях слышится даже нота примирения со злом социального неравенства.

Значительный шаг вперед в области повестей из народной жизни был сделан А. Ф. Писемским (1820—1881) и А. А. Потехиным (род. 1829), хотя ни тот ни другой не могут быть причислены исключительно к беллетристам-народникам. Писемский был современник Тургенева, и одно время можно было думать, что он займет место в одном ряду с Тургеневым, Толстым и Гончаровым. Он, несомненно, обладал очень крупным талантом, и его произведения обличали незаурядную наблюдательность и мощь. Его роман «Тысяча душ», появившийся накануне освобождения крестьян (1858), произвел глубокое впечатление и был по достоинству оценен даже в Германии, где в следующем году он появился в немецком переводе. Но Писемский был человеком без глубоких определенных убеждений, и вышеупомянутый роман был его последним действительно замечательным произведением. Когда началось великое радикальное и «нигилистическое» движение (1858—1864) и каждому пришлось занять определенное положение среди ожесточенной борьбы различных убеждений, Писемский, пессимистически относившийся и к людям, и к идеям, считавший «убеждения» лишь прикрытием узкого эгоизма и самой низменной чувственности, занял враждебное положение по отношению к вышеупомянутому движению, и эта вражда выразилась в таких произведениях, как «Взбаламученное море», являющихся, в сущности, клеветой на молодое поколение. В этих «обличительных» произведениях погас крупный талант Писемского. В более ранний период своей литературной деятельности Писемский написал несколько рассказов из крестьянской жизни («Плотничья артель», «Питерщик» и др.), а также драму из деревенской жизни («Горькая судьбина»); все эти произведения имеют действительную литературную ценность. Автор проявил в них знание крестьянской жизни, большое мастерство в употреблении русского разговорного языка и вполне реалистическое понимание крестьянского характера. В них нет и следа той идеализации, которая так сильно чувствуется в более поздних произведениях Григоровича, написанных под влиянием Жорж Занд. Степенные, полные здравого смысла крестьяне Писемского могут быть поставлены в ряд с изображениями крестьян у Тургенева. Что же касается драмы Писемского (который сам был прекрасным актером), то она ничего не потеряет от сравнения с лучшими драмами Островского, в ней даже более трагизма, с другой стороны, ее могучий реализм не ниже «Власти тьмы» Толстого, с которой драма Писемского имеет много общего, но которую она превосходит по сценическим достоинствам.

Главные литературные труды Потехина заключаются в его комедиях, о которых мы говорили в предыдущей главе. Сюжеты их взяты из жизни образованных классов, но он написал также несколько, сравнительно менее известных, драм из народной жизни, и дважды — в начале своей литературной карьеры в 50-х годах и позднее в 70-х — он принимался писать рассказы и повести из народной жизни.

Эти рассказы и повести чрезвычайно характерны для истории развития народоописательной беллетристики в течение этих лет. В рассказах, относящихся к раннему периоду его деятельности, Потехин находился вполне под влиянием бывшей тогда тенденции — идеализировать крестьян; но во втором периоде, пережив реализм шестидесятых годов и приняв участие в вышеупомянутой этнографической экспедиции, он изменил свою манеру. Он совершенно освободился от «благосклонной» идеализации и начал изображать крестьян такими, какими они были в действительности. В обрисовке индивидуальных характеров он достиг, таким образом, большого успеха; но жизнь деревни — «мир», без которого нельзя реально изобразить деревенскую жизнь и который занял такое крупное место в трудах позднейших беллетристов-народников, — еще отсутствует в произведениях Потехина. Вообще, читатель чувствует, что Потехин хорошо знал внешнюю жизнь русского крестьянства, изучил разговорную манеру крестьян, но не добрался до сути, до души крестьянина. Это более глубокое понимание крестьянина проявилось в русской литературе лишь позднее.